

Особенности легитимации частной собственности в православии

Аннотация

Статья посвящена особенностям легитимации частной собственности в православии. В работе раскрыты причины противоречивого характера православных догматов в отношении собственности, их отличия от догматов западного христианства. По мнению автора, нравственный фундамент существования частной собственности в странах с православной традицией главным образом сформировался на основе взаимовыгодных отношений между церковью и собственниками. Экономическая поддержка церкви со стороны собственников воспроизводит легитимацию частной собственности, поскольку церковь публичными действиями сакрализирует акты присвоения и способствует социальному признанию собственников.

Ключевые слова: *православие, легитимация, частная собственность, собственники*

Введение

Отношение людей к частной собственности в значительной мере определяется влиянием религиозных догматов и церковных институтов. Религия как социальный институт в течение тысячелетий устанавливала морально-этические рамки и духовные стимулы поведения в экономической жизни. Внимание к конфессиональным особенностям основных ветвей христианства позволило М.Веберу обосновать концепцию влияния протестантской этики на развитие капитализма на Западе. В дальнейшем экономическое отставание непротестантских обществ по большей части объяснялось отсутствием религиозно-этических предпосылок развития капиталистических отношений. Однако факт формирования класса крупных собст-

венников в постсоветских странах с православной традицией заставляет пересмотреть проблему легитимации частной собственности, обратив внимание не только на православные догматы как определяющие моральные устои этого процесса, но и на отношения крупных собственников с православной церковью как социальным институтом. Ведь, по мнению В.Резника, легитимацию можно трактовать: 1) как обусловленный разными факторами процесс возникновения, становления и развития субъективного признания законности или правомерности определенного объекта, принятия или оправдания существования его субъектом; 2) как целенаправленную деятельность (практику) субъекта, имеющего целью становление и развитие определенной легитимности определенного объекта [Резнік, 2010: с. 219]. Если в первом случае речь идет о социально-психологическом процессе признания определенного объекта под влиянием ценностей, морали, религиозных догм и т.п., то во втором случае легитимация в виде практики выступает фактором легитимации как генезиса легитимности. Поэтому проблему частной собственности в православии нужно проанализировать как в разрезе самих православных догм, так и в разрезе отношений православной церкви с субъектами частной собственности, в том числе крупными собственниками. Это позволяет проследить особенности нравственного фундамента существования частной собственности и богатства, присущего православной вере, и очертить характер взаимоотношений церковных институтов со слоем собственников.

Православные догматы и частная собственность

Упорядочение отношений частной собственности в христианстве в определенной мере обеспечивали уже древнейшие нормативные источники. Как отметила Т.Коваль, установки разных религий в отношении собственности и богатства содержат два главных и постоянных мотива — запрет на присвоение чужой собственности (кража и грабёж) и заповедь благотворительности [Коваль, 2003: с. 6]. Работы, посвященные проблеме частной собственности в Ветхом и Новом Завете, констатируют неоднозначное отношение к этой сфере в христианских сакральных текстах (см.: [Солодова, 2006: с. 67–81; Резнік, 2010: с. 226–232]). Это связано с тем, что появление собственности происходит параллельно с грехопадением: до совершения первого греха человек не знал собственности, а уже после грехопадения появились алчность и сребролюбие. В Ветхом Завете преимущественно отражены нормативные основы безопасности в отношении собственности, поведения в имущественных отношениях. В Новом Завете ожидание конца света обуславливает критическое отношение к богатству и достатку как препятствиям для вхождения в Царство Божие; собственность истолковывается как тленная и преходящая.

Из-за разных путей политического развития Западной и Восточной частей Римской империи христианская церковь пережила раздел, в результате которого сформировались две церкви — католическая и православная. Эти две конфессии в дальнейшем приобрели специфические черты, что повлияло на социальную и культурную жизнь народов, воспринимавших разные версии христианства. Наряду с организационными и обрядовыми различиями с католицизмом особенностью восточного христианства является то, что основными источниками православных догматов, помимо Библии слу-

жат положения вероучения, а именно Символ веры, утвержденный на первых двух Вселенских соборах. Именно тогда были написаны основоположные работы церковных авторитетов — “отцов церкви”. В католицизме кроме этого толкование Святого Письма признается за вероучительной властью церкви во главе с Папой римским: постановлениями соборов католической церкви; наставлениями, поучениями, энцикликами Папы. Православие, напротив, требует неприкосновенности толкования содержания догматов в интерпретации “отцов церкви” семи первых Вселенских соборов и их первичной догматической формулировки.

В дальнейшем догматические, теологические и обрядовые расхождения, связанные с рядом нововведений в западной церкви, привели к существенному отличию католицизма от православия. История свидетельствует, что католицизм под влиянием развития западноевропейского феодализма, Ренессанса, Нового времени оказался более гибким, чем православие. Католицизм был готов учитывать практические аспекты жизни людей, тогда как православие сосредоточилось на решении богословских проблем. В итоге Римская церковь и католические догматы приспосабливались к социальному окружению, в православии же основные постулаты христианства были сохранены в первоизданном виде, не адаптированном к конкретной исторической эпохе.

Вопрос частной собственности в католицизме обсуждался преимущественно на принципах учения Фомы Аквинского. Частную собственность он считал основой хозяйствования, естественным институтом человеческой жизни, созданным Богом, что позволяет людям жить в соответствии с определенной сословной иерархией. Вместе с тем, провозгласив верховным властителем всех вещей Бога, Фома утверждал, что каждый человек должен обладать своей собственностью так, будто бы последняя принадлежит всем, быть готовым всегда поделить с бедными и нуждающимися. Комментируя Аристотелю “Политику”, Фома Аквинский обращал внимание на то, что внедрение общей собственности приведет к уничтожению таких добродетелей, как щедрость и помощь друзьям и знакомым [Тома, 2000: с. 120–121].

15 мая 1891 года свет увидела Энциклика Папы Льва XIII “Новые вещи” (*Regrum Novarum*), в которой была прописана католическая реакция на социалистические идеи, касавшиеся отмены частной собственности. В энциклике осуждались намерения социалистов преодолеть пропасть между богатыми и бедными путем уничтожения частной собственности: “...такой взгляд на вещи несправедлив, поскольку нарушает права законных собственников, нарушает государственный строй и до основания подрывает общество”, к тому же “предлагаемое социалистами средство является явной несправедливостью, поскольку частная собственность является естественным правом человека” [Энциклика, 2010]. Именно на естественный характер частной собственности было обращено основное внимание. “Когда же Бог дал для употребления и пользования землю для всего человеческого рода, ничто не должно противиться частной собственности, ибо этот дар он создал для всех, но это не значит, будто бы Бог хотел, чтобы все люди вместе, собственно, всякий, были собственниками земли. Это значит, что никому не выделил определенной отдельной части земли в собственность, лишая этим предприимчивости людей и правителей народов. Земля, в конечном счете, хоть и разделенная между частными лицами, служит для всеобщего добра, ведь нет такого человека, который бы не пользовался плодами земли. Кто не имеет собственных благ, дополняет это трудом, причем так, что можно

утверждать справедливо, что общим средством для обеспечения существования является труд; его используют, чтобы обрабатывать собственную землю, выполнять какое-либо ремесло, приносящее плату, которая в конечном счете происходит от плодов земли и которую можно обменять на плоды земли” [Энцикліка, 2010]. Помимо естественного права на частную собственность католическая церковь, подобно православной, обосновывает свой взгляд, ссылаясь на известную заповедь из Декалога: “Не кради” (Исх. 20: 15); “Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего, [ни поля его,] ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, [ни всякого скота его,] ничего, что у ближнего твоего” (Исх. 20: 17)¹.

В 1962 году Второй Ватиканский собор принял Душпастьрскую Конституцию, в которой вопрос о частной собственности был поставлен четко: “Частная собственность или некое владение материальными благами обеспечивает каждому совершенно необходимый простор для личной и семейной независимости и должно рассматриваться как продолжение человеческой свободы... По самой своей природе частная собственность имеет социальный характер, который основан на законе общего назначения благ” [Centesimus annus, s.a.: с. 120]. К столетнему юбилею Энциклики Папы Льва XIII *Rerum Novarum* Папа Иоанн Павел II издает Энциклику *Centesimus annus*, в которой было подтверждено право частной собственности. Вместе с тем был сделан акцент на социальных ограничениях частной собственности. В частности, “владение средствами производства как в промышленной, так и в сельскохозяйственной областях справедливо и законно, если оно служит полезному труду; но оно оказывается незаконным, когда перестает быть продуктивным или становится препятствием труду других, или получает прибыль, источником которой является не глобальное увеличение труда и общественного богатства, а, скорее, их ограничение, недопустимая эксплуатация, спекуляция и разрыв солидарных связей в мире труда. Такого рода собственность не имеет никакого оправдания и представляет собой злоупотребление перед Богом и другими людьми” [Centesimus annus, s.a.: с. 138]. При этом речь идет еще об одном виде собственности, получившем в конце XX века большое значение — это владение знаниями, техникой и умениями. По сути, католическая церковь признает интеллектуальную собственность, на которой “базируется богатство промышленно развитых стран в гораздо большей степени, чем на владении природными ресурсами” [Centesimus annus, s. a. : с. 122].

В период Реформации из лона католицизма выделилось еще одно направление христианства — протестантизм, подвергший сомнению постулат о возможности достижения спасения благодаря воле человека. Человек не может своим поведением изменить волю Божью, и только Бог своей милостью выбирает людей для Царства небесного, независимо от их поступков или молитв. Согласно католическим догматам, даже грешный человек может обрести спасение, покайся в грехах и обратившись к Таинству церкви, поскольку Господь может простить их. М.Вебер, обратив внимание на большую долю протестантов по сравнению с католиками среди торговцев,

¹ Здесь и далее цитаты из Библии приводятся по: Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета / По благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси ПИМЕНА: Russian Orthodox Bible. — United Bible Societies — 1991 — 100 М — DC053/ — 1372 с.

предпринимателей, собственников капитала и высококвалифицированного персонала, исследовал протестантскую склонность к экономическому рационализму. Он исходил из того, что непостижимость Божьего прощения заставляла протестантов доказывать свою избранность профессиональными успехами в земной жизни. Таким образом протестантизм рационализировал сознание мирян, не одобряя бедность, как это практиковалось в других христианских конфессиях. Долг протестанта заключался в том, что он должен стремиться улучшать жизненные обстоятельства путем самоотверженного труда, а не покорно и смиренно переносить испытания бедностью. Все это выработало аскетический образ жизни, соответствующую трудовую этику и рационализировало экономическое поведение [Вебер, 1994].

Исследование Вебера о влиянии протестантизма на развитие религий Запада дало толчок попыткам понять роль других конфессий в экономической жизни разных обществ. Сравнительный анализ этоса экономического поведения в православии и иудаизме дал основания В.Смакоте констатировать отсутствие в православных догматах стимулов для социального и экономического прогресса. “Православие не утверждает, что именно в профессиональной деятельности человек может проявить свою веру, доказать успехами в ней свое спасение. Для православного религиозного сознания невозможно принятие того “рационалистического” духа, который санкционирует буржуазную предприимчивость, поощряет стремление к обогащению, позволяет с гордостью смотреть на свой бизнес. Православный тип хозяйствования получил свое наиболее полное воплощение в общинном (общественном) землепользовании” [Смакота, 2002: с. 11]. Автор обращает внимание на то, что в православии сребролюбие осуждается как один из тяжких грехов, а “стремление к богатству и обеспеченности признается наиболее вероятным путем грехопадения. Возможно, именно поэтому в дореволюционной России не было культа богатых людей, долго и мучительно длился процесс социального признания купеческого класса” [Смакота, 2002: с. 11–12]. Смакота приходит к выводу: “Православная этика не заложила духовных оснований для создания человека буржуазного типа. Скорее она препятствует этому” [Смакота, 2002: с. 14]. Оптимистическое понимание человека как объекта особой Божьей любви в православии не послужило толчком для преодоления человеческой греховности путем самосовершенствования на экономической ниве. Созерцательное и мистическое содержание православной аскезы не сформировало четкой экономической концепции.

В православном богословии в отношении частной собственности большое значение получили концепции “отцов церкви” Климента Александрийского, Иоанна Златоуста, Василия Великого, Григория Богослова, Амвросия Медиоланского и др. Однако можно выделить концепции двух первых “отцов церкви”, взгляды которых в православной традиции рассматривают как нормативное церковное видение этого вопроса. Одним из первых, кто обратился к проблеме собственности и богатства, был Климент Александрийский (III ст.), который в работе “Кто из богачей спасется?” толкует евангельский сюжет о богатом юноше, стремившемся к спасению души. Иисус сказал ему: “...если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах” (Мф. 19: 21).

Климент пытается доказать, что нельзя слова Иисуса понимать буквально, поскольку речь идет не о внешнем отказе от имущества, а о внутреннем сопротивлении власти богатства над людьми. При этом Климент при-

водит ряд аргументов. Во-первых, собственность сама по себе не является помехой для спасения души, поскольку нельзя отказаться от необходимого имущества, что привело бы к отсутствию средств существования человека. Еще одним аргументом является логичное замечание о том, что благотворительность возможна, если есть собственник. Вместе с тем Климент предостерегает, что богатство не должно овладевать человеком. Решение проблемы видится им в нейтральном отношении к богатству и умении распоряжаться им в благих целях [Климент Александрийский, 2000: с. 18–22].

Иоанн Златоуст (IV–V вв.) выдвигает более радикальную концепцию об отмене собственности [Иоанн Златоуст, 2005]. Он очень резко подвергает критике богачей, учитывая их жадность и поклонение материальному, не соглашаясь с нормативной защитой частной собственности в Ветхом Завете. В отличие от Климента, признававшего целесообразность существования собственности и собственников, Златоуст призывает к обобществлению собственности, отрицая даже слова “мое” и “твое”. Он осуждает милостыню, не считая мелкие подачки благотворительностью. Настоящая милостыня — это когда все отдают всем все: идеалом такой жизни являются деяния первых христиан Иерусалима. Идеалом общественного устройства Златоуст считал общность имущества и отсутствие разделения на богатых и бедных. Как отмечает Н.Сомин, если в IV веке православные богословы преимущественно придерживаются взглядов Златоуста, а Климент Александрийский со своими взглядами оказывается в одиночестве, то в конце XIX — в начале XX веков наблюдается противоположная ситуация — большинство богословов высказывают взгляды, созвучные концепции Климента и даже пытаются в духе Климента интерпретировать взгляды Златоуста [Сомин, s.a.].

По мнению католического богослова Ю.Тыщяка, причина отличного от западнохристианского отношения к частной собственности кроется в том, что православные основы моральной жизни исходят не столько из Декалога (Десять Заповедей Моисея), в котором право собственности предусматривается и защищается, сколько из Нагорной проповеди, которая благословляет нищих и страждущих. Поэтому восточный христианин видит свою цель скорее в освобождении от собственности и имущества. Сугубо теоретические построения в отношении того, следует ли христианину иметь собственность, он признает бессодержательным. К тому же он во всем исходит из требований совершенства. Средний вариант, свойственный умеренному христианину, который хоть и держится от греха подальше, но не стремится к совершенству, для Востока с его религиозным максимализмом неприемлем. Тыщяк выделяет два основных мнения, характеризующих восточное благочестие: а) поразительное ощущение сомнительности и относительности всего земного и б) ориентация на иной мир, мир благодатной жизни спасенного и обновленного человека. Таким образом, Восток в этом смысле является живым воплощением установок древней Церкви с ее четко выраженными упованиями на потустороннее и радость преобразования. Автор приходит к выводу, что при таких взглядах трудно ожидать внимания к вопросу собственности. Восточный христианин живет — если он настоящий христианин — вне мира. Еще одной причиной неоднозначного отношения в православии к частной собственности является то, что в церковном учении отсутствует четкое определение “права” собственности. В католицизме, напротив, институт собственности основывается на признанном Римской церковью естественном праве (см. : [Помазанский, s. a.]). Это связано с тем,

что католицизм вобрал в себя достижения римского права, которое четко регламентировало институт собственности и имущественные отношения.

Такого же мнения придерживается С.Булгаков, полагая, что «православие *не* стоит на страже частной собственности как таковой, даже в той степени, в какой это еще делает католическая Церковь, видящая в ней установление *естественного* права (энц. п. Льва XXIII *Regum novarum* и др.). Частная собственность есть исторический институт, который все время меняется в своих очертаниях, как и в своем социальном значении, и ни один из образов ее существования не имеет самодовлеющего, пребывающего значения» [Булгаков, 1991: с. 212]. При этом Булгаков отмечает, «что православие не может защищать капиталистической системы хозяйства как таковой, ибо она основана на эксплуатации наемного труда, хотя и может до времени мириться с ним ввиду его заслуг в поднятии производительности труда и его общей производственной энергии» [Булгаков, 1991: с. 212]. Вместе с тем С.Булгаков обращает внимание на то, что собственность, как и богатство, может иметь двойное значение: этическое (религиозное) и социально-экономическое. «Под собственностью в первом смысле разумеется не право собственности и не объект ее, но *чувство* собственности — привязанность к ней, жадность, любостяжание, своеобразно проявляющийся здесь эгоизм, отделяющий человека и от других людей и от Бога, духовный плен у собственного имущества. Победа над собственностью в этом смысле может быть не экономическая, а только нравственная, она должна совершиться в тайниках души, в незримых переживаниях совести» [Булгаков, 1997: с. 137]. Здесь взгляды Булгакова перекликаются со взглядами Климента Александрийского, который также осуждает чувство собственности, не отрицая ее как таковую. Объективный смысл собственности соотносится с организацией производственного труда. Здесь значение собственности обуславливает форма производства (капиталистическая, рабовладельческая или крестьянско-ремесленная). «Собственность капиталиста на фабрику означает не то, что он владеет ею как предметом личного потребления, например, платьем, пищей, жилищем, но что он, владея ею, заведует данной отраслью общественного производства. Если надлежащим образом понять значение собственности в этом смысле, то она есть столько же право, сколько и обязанность, с ней связана важная и ответственная функция. Вопрос об освобождении от такой собственности совсем не разрешается так просто, как относительно предметов потребления, где простой отказ собственника в пользу других и потребительский коммунизм совершенно исчерпывает все затруднения. До тех пор, пока известный экономический порядок, в данном случае капитализм, остается непоколебимым и представляет общие условия существования, такая собственность налагает перед обществом весьма серьезные и ответственные обязанности на того, кому она досталась... И христианство с его историзмом, открывающим поле для реальной политики, не может требовать немедленного и фактического отказа от такого рода собственности» [Булгаков, 1997: с. 138]. Таким образом, на рубеже XIX–XX веков в российской православной мысли все чаще подчеркивались позитивные аспекты частной собственности, ее экономическая целесообразность в упорядочении жизни общества и сохранения социального порядка. Институт частной собственности в православии получает легитимацию не благодаря сакральности самой собственности, а благодаря социальной ответственности собственников-капиталистов. Вместе с тем в предреволюцион-

ный период православная церковь и богословская наука предупреждали о негативных и разрушительных последствиях отмены права собственности.

С началом перестройки и экономической либерализации православная церковь в постсоветском пространстве преимущественно была сосредоточена на восстановлении и расширении собственных институтов. И только в августе 2000 года Архиерейский собор одобрил “Основы социальной концепции Русской православной церкви”, в которых сформулировал отношение к собственности, признав за собственниками основные права на имущество: “Под собственностью принято понимать общественно признанную форму отношения людей к плодам труда и естественным ресурсам. В число основных полномочий собственника обычно включают право владения и пользования, право управления и получения дохода, право на отчуждение, потребление, изменение или уничтожение объектов собственности” [Основы социальной концепции, 2000: с. 52]. В общем Русская православная церковь (РПЦ), признавая многообразие форм собственности, декларирует нейтральную позицию касательно собственности: “В позиции Православной Церкви по отношению к собственности нет ни игнорирования материальных потребностей, ни противоположной крайности, превозносящей устремление людей к достижению материальных благ как высшей цели и ценности бытия. Имущественное положение человека само по себе не может рассматриваться как свидетельство о том, угоден или неугоден он Богу” [Основы социальной концепции, 2000: с. 52]. Таким образом, на современном этапе православие, не отрицая первоначальных догматов, признало существование частной собственности как неотъемлемого атрибута человеческого бытия.

Взаимоотношения православной церкви и частных собственников

Одной из причин деления христианства на православие и католицизм стали особенности экономического, политического и культурного положения церковных институтов на Западе и Востоке территорий бывшей Римской империи. Вследствие динамичного развития феодальных отношений на Западе уже в период раннего Средневековья начинается политическая раздробленность, поэтому Римская курия стала политически независимой и смело вмешивалась во внутренние дела королевств. К тому же Римской церкви быстро удалось установить экономическую независимость и самостоятельно поддерживать свои приходы. Католическая церковь руководствуется принципом “кесарю кесарево, а Богу — Богово”, выступая за полную независимость церковной власти. В католицизме даже существует понятие о верховенстве церковной власти над светской (Булла *Unam Sanctam*). После падения Западной Римской империи католическая церковь стала чуть ли не единственным институтом, взявшим на себя решение проблемы культурного хаоса так называемых Темных веков. Варварские королевства признавали верховенство Рима и пытались перенять остатки римской культуры. Литургическим языком католических обрядов стала латынь.

В свою очередь, на Востоке медленное развитие феодальных отношений, политическая централизация Византии делали константинопольского патриарха зависимым от светской власти. Был даже сформулирован принцип “симфонии Церкви и Государства”, провозглашавший сотрудничество и взаимопомощь институтов церкви и власти. К тому же в Восточной Римской империи, а позже в Византии не сформировалось единого церков-

ного центра: существовало четыре епархии — иерусалимская, антиохийская, александрийская и константинопольская. Несмотря на все потуги Византии, эти народы принадлежали к разным культурам, поэтому допускалась литургия на разных языках. В итоге на Западе образовалось единое латинское пространство, а на Востоке подобного не произошло. Поэтому развитие православия нужно рассматривать сквозь призму местной специфики формирования церковных институтов.

Отсутствие единого, надгосударственного центра и зависимость от власти побуждали православные церкви вступать в отношения с зажиточными людьми для поддержки церковных сооружений. В частности, после крещения Киевской Руси князем Владимиром возникла проблема материального обеспечения духовенства. В отличие от Западной Европы, где все прихожане платили десятину, новокрещенное население не было согласно делиться своим имуществом. Поскольку инициаторами крещения были сам Владимир и представители социальной элиты, проблема содержания духовенства разрешалась за счет наиболее богатого слоя Киевской Руси: прибывших из Византии архиереев содержал сам великий князь, плативший 10% своих доходов, а в пользу священников, служивших на приходах, платили десятину землевладельцы (вотчинники) [Малахов, 2000]. Во второй половине XI – в XII веке возникло церковное землевладение, разраставшееся благодаря подношениям со стороны князей, бояр и членов их семей. Именно это заставляло церковь благосклонно относиться к землевладельцам, поскольку характер аграрного владения был общим как для церковников, так и для зажиточных мирян-феодалов.

И хотя в дальнейшем распространение христианства достигло огромных масштабов, история православных народов свидетельствует о том, что без поддержки со стороны знати церковь бы не выжила. Особенно это касается православной церкви на территории современной Украины. Если в Московском царстве православие становится государственной религией и оплотом самодержавия, то давление католицизма и уния заставляли украинских и белорусских православных иерархов искать контактов с высшим сословием. Защита и экономическая поддержка церкви знатью и мещанами, а позднее запорожскими казаками способствовали легитимации собственности сторонников православия среди зажиточных слоев. В течение XV–XVI веков стремительно увеличивалось количество монастырей, новых и заново оформляемых старых храмов благодаря средствам зажиточных патронов. Еще одной местной особенностью на украинско-белорусских землях стало активное участие зажиточных мирян в церковных соборах Киевской митрополии. С утверждением так называемого патроната над церковными институциями, при котором светской власти (королю и великому князю, а в частных владениях — магнатам и шляхте) принадлежало право утверждать церковнослужителей, возросли коррупция и торговля церковными санами [Яковенко, 2006: с. 164–166]. Во время бурных событий Хмельниччины православные церковники неоднократно становились на защиту имущества зажиточных людей от разграбления восставшим людом.

В нестабильные исторические времена православная церковь была вынуждена оправдывать социальное неравенство, существование бедных и богатых. С этой целью приводились аргументы о соблюдении внутренней независимости от бедности со ссылкой на соответствующие цитаты из Ветхого и Нового Заветов. Как отмечает Г.Солодова, православно-христианское

учение легитимирует социальное расслоение, социальную иерархию. Зависть и враждебность к богатым, к людям с высоким социальным статусом рассматривались как несогласие с “хитромудрыми промыслами судьбы”. Это аргументировалось тем, что церковь налагает на богатых людей особую ответственность — они должны ей служить, а что касается бедных, то она служит им. К тому же православные богословы оправдывали социальную дифференциацию, поскольку она необходима для функционирования общества и лежит в основе общественного строя [Солодова, 2006: с. 108–110]. Православная этика утверждала невозможность существования социального равенства. Богословы убеждали, что бедные и богатые нуждаются друг в друге и что социальное равенство недостижимо, поскольку всегда существуют различия в образовании, талантах, познаниях, труде и, наконец, люди делятся на руководителей и подчиненных. Более того, когда церковь вынуждена была гибко реагировать на насущные социальные вопросы, православные этики утверждали, что Иисус Христос возвысил унижение и бедность до невиданных ранее высот и навсегда отбросил ошибочный масштаб измерения достоинства людей по их положению, поэтому, будучи материально бедными, немущие могут быть духовно богатыми [Красников, 1981: с. 16–18].

Нужно иметь в виду, что православие исторически распространилось на территориях, где доминировало аграрное производство. На этих землях отсутствовало зарождение раннебуржуазных отношений с промышленной и банковской сферой, характерное для Западной Европы. Ростовщичество и предпринимательство не одобрялись в среде православных. Распространение на территории царской России промышленного производства и формирование финансового сектора по капиталистическому типу налагали на деловых людей определенные обязанности. Признавая сословную дифференциацию, церковь осторожно относилась к деловой активности, не связанной с аграрным сектором. Ведь получение прибыли на основе коммерции и промышленных методов противоречило православным догматам о спасении души. Поэтому распространялось такое явление, когда купцы и предприниматели делали щедрые пожертвования в церковную казну, на монастыри, соборы и церкви в знак раскаяния, что должно было содействовать спасению их душ. Так в сознании людей получила отражение идея искупления за богатство, которое всегда было связано с грехом. В таких действиях прослеживается мотивация не столько благотворительности в виде помощи ближнему (эта помощь на их жертвования передавалась опосредствованно, через церковь), сколько желание спасти свою душу в иной жизни, которую православие считало главной.

Современные предприниматели, заботясь исключительно о теневом, а порой и преступном первоначальном накоплении своего капитала, активно приобщились к восстановлению храмов и жертвований на церковь. Однако специфика духовных поисков современных предпринимателей отличается от дореволюционных попыток искупления грехов обогащения. По мнению Н.Зарубиной, в основе прагматических ожиданий бизнесменов лежит даже не вера, а неясное допущение того, что существует какое-то другое, потустороннее измерение бытия, некая таинственная и мощная сила, и лучше заручиться ее благосклонностью. К тому же их представления о Боге далеки от строгого православного канона, да и от христианства вообще. Большинство проявлений религиозности постсоветского предпринимателя, внешне уподобляясь дореволюционной традиции, имеют иной характер. Для дореволю-

ционного купца в строительстве храма должно было воплощаться признание существования высшего измерения бытия, переводение части земного достояния в символический духовный капитал, смиренная благодарность высшим силам за дарованный успех. Купеческое храмостроительство, безусловно, не было лишено тщеславного стремления продемонстрировать окружающим свое богатство, а также искупить грех совершенных в погоне за этим богатством многочисленных отклонений от моральных заповедей. Однако постсоветский предприниматель, обращаясь к благотворительности, в том числе церковной, часто имеет в виду практическую выгоду, что обусловлено современным налоговым законодательством. Специфика духовных поисков современного предпринимателя по сравнению с дореволюционным заключается в том, что он движется не от одной веры к другой, а от безверия к заполнению духовной пустоты [Зарубина, 2003: с. 12–13]. В силу своей практической рациональности он ожидает реальных результатов: помощи в делах, обретения душевного покоя и ясности, а иногда и банальной выгоды.

После политической и экономической либерализации, развала СССР Русская православная церковь активно включилась в предпринимательскую деятельность, приобщаясь к полулегальным, широкомасштабным и высокодоходным экспортно-импортным операциям: ввоз в Россию подакцизных товаров на льготных условиях (табак, спиртное), экспорт нефти и нефтепродуктов, квоты на экспорт рыбы и морепродуктов [Митрохин, 2001]. Анализируя деятельность РПЦ в 1990-е годы, Н. Митрохин пришел к выводу, что РПЦ на территории СНГ фактически “превратилась в грандиозный экстерриториальный офшор, осуществляющий самостоятельную финансовую и производственную деятельность и располагающий огромными возможностями для оказания услуг по отмыванию денег темного и криминального секторов экономики” [Митрохин, 2000: с. 62].

Отношения между церковью, в том числе высшими иерархами, с одной стороны, и крупным бизнесом — с другой, определяются сознательной взаимопомощью. Пожертвования крупных бизнесменов составляют весомую часть бюджета церкви, в частности расходов на восстановление старых и строительство новых храмов. В свою очередь, крупные спонсоры могут рассчитывать на личное заступничество Патриарха, Митрополита и других архиереев в случае кризисных для бизнеса в политическом плане ситуаций. К примеру, в 1999 году Патриарх всея Руси публично поддержал Р. Вяхирева в момент связанного с перевыборами председателя “Газпрома” конфликта с администрацией президента [Митрохин, 2001]. А в марте 2010 года Московский патриархат обратился с ходатайством к правительству России о предоставлении возможности украинским химическим предприятиям прямо закупать газ у российского “Газпрома”. В этом же письме указывалась причина иерейских хлопот: украинские химзаводы оказывают “существенную помощь” Украинской православной церкви Московского патриархата [Московская церковь, 2010].

В постоянную практику превратилось награждение крупных бизнесменов, предпринимателей церковными грамотами и орденами. Признание со стороны церкви способствует престижу в глазах общественности, улучшает имидж собственников. Все шире СМИ информируют об освящении новостроенных учреждений, предприятий, офисов и т.п. В церквях можно заказать службы “при открытии мастерской, фабрики, кафе”, “за успехи в бизнесе и торговом деле”, “за успешную продажу и приобретение квартир” и

т.д. В обществе распространяется практика освящения служителями церкви приобретенных недвижимости и транспортных средств, что, безусловно, также способствует легитимации собственности.

Выводы

Благодаря тому, что в православии основные постулаты христианства сохранились в первоначальном виде, не адаптированном к конкретным историческим эпохам, противоречивость взглядов в отношении собственности, отсутствие естественного права собственности сформировали своеобразный социокультурный феномен недоверия к праведности накопления собственности, представление о ее тленности, неверие в возможность честным, трудовым путем получить богатство. Это связано с тем, что православие распространялось на территориях, где исторически слабо развивались правовые и раннебуржуазные отношения. В связи с этим православие делает ударение на том, что у собственника имеется дополнительная социальная обязанность благотворительности. Православный аскетизм прежде всего направлен на духовное и телесное очищение человека, а не на экономическую бережливость как фактор накопления материального богатства, как это наблюдалось в протестантизме. Вместе с тем развитие капитализма в дореволюционные времена и возрождение рыночных отношений в постсоциалистический период способствовали тому, что православие признало частную собственность неотъемлемым атрибутом человеческого бытия.

Отношения церкви и собственников показывают, что сотрудничество это взаимовыгодно: церковь получает экономическую и политическую поддержку, а собственники — легитимность в глазах общественности. Традиционная зависимость православной церкви от решений власти способствовала активному сотрудничеству с зажиточными и влиятельными людьми. Благодаря этому сотрудничеству православная церковь приобрела экономическую независимость и смогла сохранить влияние ортодоксальных идей христианства. Зажиточные люди, в свою очередь, воспроизводили легитимацию своей собственности, а за счет пожертвований и благотворительности нивелировали психологический дискомфорт неоднозначности своего обогащения. Кроме того, практики освящения церковью бытовых актов присвоения (приобретение жилья, автомобилей и т.п.), присущие широким слоям населения, способствуют сакрализации собственного имущества. Противоречивость отношения в православии к частной собственности и активные взаимовыгодные отношения церкви с крупными собственниками согласуются с общественным мнением, бытующим в постсоветских обществах, с православной традицией. Если насчет процессов приватизации предприятий и земли доминирует неоднозначная оценка, то в отношении самих частных собственников средств производства в целом прослеживается скорее благосклонность, нежели негативная оценка.

Литература

Булгаков С.Н. Православие: Очерки учения православной церкви / Булгаков С.Н. — К. : Лыбидь, 1991. — 235 с.

Булгаков С.Н. Христианство и социальный вопрос // Два града : Исследования о природе общественных идеалов / С.Н. Булгаков. — СПб. : Изд-во РХГИ, 1997. — 589 с.

Вебер М. Протестантська етика і дух капіталізму / Вебер М. ; пер. з нім. О. Погорілого. — К. : Основи, 1994. — 261 с.

Енцикліка Папи Лева XIII “Нові речі” (Rerum Novarum) [Електронний ресурс]. — Режим доступу : http://sd.net.ua/2010/01/11/rerum_novarum.html.

Зарубина Н.Н. Религиозные ориентации постсоветского предпринимательства / Н.Н. Зарубина // Преподавание истории и обществознания в школе. — 2003. — № 3. — С. 11–19.

Иоанн Златоуст. Полное собрание творений святого отца нашего Иоанна Златоуста : [в 12 т.] / Иоанн Златоуст. — Почаев : Свято-Успенская Почаевская Лавра, 2005. — Т. 1–12 (13 книг). — 12000 с.

Кара-Мурза С. Светлый миф о частной собственности [Электронный ресурс] / С. Кара-Мурза // Дуэль. — 2003. — № 41 (338). — Режим доступа : http://www.patriotica.ru/actual/kara_private.html.

Климент Александрийский. Кто из богатых спасется? / Климент Александрийский. — М. : Православный приход Храма иконы Казанской Божией Матери в Ясенево при участии ООО “Синтагма”, 2000. — 64 с.

Коваль Т.Б. Личность и собственность. Христианство и другие религии мира / Т.Б. Коваль // Мир России. — 2003. — №2. — С. 3–45.

Красников Н.П. Православная этика: прошлое и настоящее / Красников Н.П. — М. : Политиздат, 1981. — 96 с.

Малахов А. Священная экономика / А. Малахов // Деньги. — 2000. — №47 (300). — С. 26–31.

Митрохин Н. Русская православная церковь как субъект экономической деятельности / Н. Митрохин // Вопросы экономики. — 2000. — № 8. — С. 54–70.

Митрохин Н. Экономика Русской православной церкви / Н. Митрохин // Отечественные записки. — 2001. — №1. — С. 144–155.

Московська церква попросила Газпром за українську “хімію” [Електронний ресурс] // Українська правда. — 2010. — 18 березня. — Режим доступу : <http://www.pravda.com.ua/news/2010/03/18/4874775/>.

Основы социальной концепции Русской Православной Церкви // Юбилейный Архиерейский Собор Русской Православной Церкви ; 13–16 авг. 2000 г. — М. : Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, 2000. — 135 с.

Резнік В.С. Легітимація приватної власності як концепт соціологічної теорії / Резнік В.С. — К. : Ін-т соціології НАН України, 2010. — 512 с.

Смакота В.В. Етос економічної поведінки в православ'ї та юдаїзмі: порівняльний аналіз: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. соціол. наук : спец. 22.00.04 / Смакота В. В. ; НАН України. Ін-т соціології. — К., 2002. — 19 с.

Солодова Г.С. Собственность, богатство, социальное неравенство в России: социокультурная детерминированность представлений / Солодова Г.С. — Новосибирск : Параллель, 2006. — 326 с.

Сомин Н. Климент Александрийский и свт. Иоанн Златоуст: два взгляда на богатство и собственность [Электронный ресурс] / Н. Сомин. — Режим доступа : <http://lib.rus.ec/b/176625>.

Тома Аквінський. Коментарі до Арістотелевої “Політики” / Тома Аквінський ; пер. з латини О. Кислюка ; передмова В. Котусенка. — К. : Основи, 2000. — 794 с.

Яковенко Н. Нарис історії середньовічної та ранньомодерної України / Яковенко Н. — [3-те вид., перероб. та розшир.]. — К. : Критика, 2006. — 584 с.

Centesimus annus (“Сотый год”). Энциклика Святого Отца Иоанна Павла II “В сотую годовщину обнародования энциклики Rerum Novarum” [Электронный ресурс]. — 163 с. — Режим доступа : <http://www.ioannpavel.ru/wp-content/uploads/2010/05/Centesimus-annus.pdf>.